

Глава 5. Кровный контракт

Мерфи снова пришел в себя.

Говорили, что он пробыл в глубоком сне целых две недели. За это время его успели по несколько десятков раз перевезти из одной человеческой больницы в другую, всеми мыслимыми и немыслимыми способами возмещая всё то, чего лишился его организм. С горем пополам жизнь удалось вытащить с того света, вот только он неизбежно стал еще слабее.

Но кому могло быть настолько скучно, чтобы вытаскивать человека с того света?

Если судить по материальным возможностям и финансовым затратам, оставался разве что герцог собственной персоной.

Очнувшись во второй раз, Мерфи увидел, что Енох и в самом деле сидит у его постели.

Лицо у Еноха было страшным. Уставившись на Мерфи, он произнес:

— Из-за тебя я нарушил свои правила.

Мерфи слабо улыбнулся, его губы были бледными и синеватыми.

— Никто не заставил бы тебя поступить так, если бы ты сам этого не захотел.

Енох протянул руку. Холодные пальцы сжались на шее Мерфи. Брови герцога были нахмурены, будто он столкнулся с неразрешимой задачей:

— Я подготовил абсолютно всё. Я должен был прийти в семь, и к тому моменту ты уже был бы мертв. У меня не возникло бы и мыслей вернуть тебя, в этом не было бы никакого смысла...

Мерфи закрыл глаза и тихо вздохнул:

— Теперь-то я верю, что первой любви у тебя не было.

Енох переспросил:

— Что ты сказал?

Мерфи ответил:

— Я так устал, у меня нет сил говорить. Подойди ближе...

Енох наклонился, и тут же почувствовал, как Мерфи прикусил собственный кончик языка.

В тот самый момент, когда выступила капля крови, Енох никак не отреагировал. По идее, он должен был немедленно остановить его — Мерфи и без того едва не умер от потери крови.

Но Енох бездействовал.

Мерфи с трудом вытянул руку, обвил его за шею, притянул чуть ниже и прижался губами.

В конце концов Енох все-таки распробовал эту капельку крови.

Десять минут спустя Мерфи очнулся в третий раз.

— Потише! Я же помру! — не выдержал Мерфи. — Это мой язык, а не кусок жареного мяса!

Енох все так же застыл над ним, наблюдая, как шевелятся губы во время разговора.

Спустя мгновение его переносица легко потерлась о щеку Мерфи, легкое дыхание коснулось губ юноши, а затем они прижались друг к другу, соприкасаясь губами.

Кровавого привкуса больше не чувствовалось, а маленькая ранка на кончике языка Мерфи зажила неизвестно когда.

Однако та легкость и радость, что охватывают после утоления голода, кажется, задержались чуть дольше прежнего... Впрочем, нет, всё равно недостаточно долго.

Енох, испытывая любопытство, попробовал снова.

.....

Спустя несколько дней Мерфи очнулся в четвертый раз.

Он уже лежал на нормальной кровати, окруженный довольно мрачными предметами интерьера — судя по всему, в каком-то средневековом стиле. С трудом поднявшись, он отворил деревянную створку окна и убедился, что действительно находится в каком-то замке.

Стоило ему прийти в себя, как в комнату вошли несколько слуг. Они молча прибрались, расставили еду, а затем так же бесшумно удалились.

Мерфи никогда прежде не видел нормальной человеческой пищи в вотчине Клана Крови, но этот обед явно приготовил человек-шеф-повар, и разнообразие блюд от закусок до десертов было впечатляющим.

Он набросился на еду от души, накинул на плечи верхнюю одежду и принялся бродить по замку.

В старинном замке Клана Крови явно не было нужды ни в каких источниках света. Даже днем здесь царил жуткий полумрак, и обычному человеку было не разглядеть даже собственную дорогу под ногами.

Мерфи брел, спотыкаясь и придерживаясь за стены, пока не заметил человека с подсвечником, шедшего ему навстречу.

Это был Енох. И пускай он принадлежал к Клану Крови, сейчас, купаясь в сиянии свечей, он казался сущим Ангелом. От черт лица до манеры держаться — совершенство без единого изъяна, при виде которого любому захотелось бы пасть ниц.

Мерфи так и замер на месте, любуясь открывшимся зрелищем, пока Енох бесцеремонно не сунул ему в руки подсвечник со словами:

— Почему ты до сих пор такой слабый?

— ... — произнес Мерфи. — Прошу прощения, что я всего лишь слабосильный человек.

Енох, казалось, слегка нахмурился. Бросив взгляд на бледное лицо Мерфи, он обхватил его за талию и в следующее мгновение, наполовину поддерживая и прижимая к себе, взмыл в воздух.

Они приземлились на втором этаже в обеденном зале. Енох приказал подать еду и велел Мерфи есть.

Мерфи отказался:

— Нет, спасибо, я уже поел.

Енох чуть свел брови, пристально глядя на него:

— Дополнительный прием пищи дает больше энергии, а энергия ускоряет заживление ран.

Мерфи усмехнулся:

— Это свойственно Клану Крови. Люди очень слабы, и если я стану заставлять себя есть сверх меры, то просто заболею и стану еще слабее.

Енох посмотрел на него так, будто перед ним предстал какой-то немыслимый вид живых существ. Помолчав немного, он изрек:

— Люди — сплошная морока.

С этим утверждением Мерфи согласился, согласно кивнув.

Вечером у Мерфи снова слегка закружилась голова, и ему пришлось лечь в постель.

Снаружи донеслись звуки: у Клана Крови начиналось время настоящей активности.

Поворочавшись с боку на бок, Мерфи всё еще не спал, когда услышал, как отворилась дверь. Оглянувшись, он закономерно увидел вошедшего герцога.

На удивление, от Еноха исходил слабый запах крови — вероятно, из-за каких-то вечерних развлечений сородичей, хотя, конечно, могло быть и так, что...

— Эй, ты что, поохотился на стороне? — напрямую спросил Мерфи.

Енох ничего не ответил. Нахмурившись, он прямо направился к кровати, и его высокая тень полностью накрыла лежащего Мерфи.

Мерфи приподнялся на локте и задрал голову, отчего его шея и ключицы оказались открыты.

Дыхание Еноха стало чуть более частым. Спустя мгновение он склонился, и его губы скользнули вниз по сонной артерии Мерфи, оставляя на пути холодные следы поцелуев, после чего острия клыков легонько коснулись ключицы. Он слегка засомневался.

Вскоре ослабевший Мерфи уже не мог удерживать прежнее положение и повалился назад.

Но Енох обнял его за талию, полностью заключая в свои объятия. Потеряв голову от желания, Енох оставил множество следов на его груди, но так и не решился проткнуть нежную кожу.

В конце концов Мерфи не выдержал первым:

— Если собрался есть — делай это быстрее, в худшем случае я помру пораньше и отправлюсь на перерождение.

Енох тяжело задышал и промолчал.

Мерфи добавил:

— К тому же, разве я не нацедил целое ведро крови?

— То предназначалось Рите, — ответил Енох.

Мерфи едва не рассмеялся:

— Ты вытащил меня с эшафота, а теперь строишь из себя принципиального?

Едва он договорил, как тихо застонал: клыки Еноха, словно в наказание за эти слова, наконец медленно вошли в его кровеносные сосуды.

Слюна высших вампиров обладала природным возбуждающим и анестезирующим действием. Она заставляла смертного человека с головой погрузиться в пучину плотских наслаждений, теряя контроль и сохраняя предельно эйфорическое состояние вплоть до самой смерти.

Силы воли Мерфи хватило бы, чтобы противостоять этому эффекту, но он не стал сопротивляться. Он видел полуприкрытые глаза Еноха, чувствовал его размеренное дыхание во время питья и крепнущие с каждой секундой объятия.

Затем, совершенно естественно, Енох, не выпуская его из рук, увлек его за собой на постель.

Он не стал пить слишком много крови, с большим трудом оторвавшись от этой артерии, и в самом конце с явным сожалением провел языком по крошечной ранке.

Заметив, что Мерфи возбудился, он на мгновение замер и заглянул ему в глаза.

Мерфи, разумеется, был в полном сознании. Лениво полуприслонившись к нему, он протянул:

— Маленький демон, сам разжег огонь — сам и туши...

Однако физическое состояние Мерфи явно не позволяло ему заниматься чем-то подобным.

В конце концов Енох просто покинул комнату.

Мерфи даже удивился бесстыдству этого вампира: как он мог с абсолютно бесстрастным лицом выйти наружу в таком состоянии? Неужели он не заметил, какими зелеными глазами смотрели на него слуги?

Каждый вампир в замке мечтал оказаться в постели Еноха, полагая, что их звездный час наконец пробил.

Хотя, конечно, это были лишь их собственные иллюзии.

С наступления следующего дня Енох запретил слугам даже нос совать в комнату Мерфи. Еду теперь приносил лично Дворецкий замка.

Господин Дворецкий смотрел на Мерфи взглядом, которым обычно смотрят на монстра из фильмов ужасов, и заявлял:

— Его Высочество сейчас действительно благоволит тебе, смертный, но тебе лучше не зарываться.

Мерфи отвечал:

— Верно. К тому же я уродлив, слаб и мало живу. В худшем случае потерплю пару лет, пока не подурнею от старости, и меня выгонят пинком под зад. Так что вам тут не о чем беспокоиться.

Дворецкий: «.....»

Он оказался настолько ошеломлен, что лишился дар речи, да к тому же счел слова Мерфи весьма разумными.

И впрямь, едва ли стоило так переживать из-за столь слабого и беззащитного человека. Все равно... люди есть люди: стоит оставить их без присмотра, как они почему-то сами собой увядают.

И действительно, прошло всего несколько дней, а Мерфи уже казалось, что он вот-вот завянет.

Енох навещал его ежедневно, чтобы отведать его крови, и каждый такой визит неизменно оборачивался проблемами. А стоило случиться проблемам... Мерфи все равно ничего не мог поделать.

Приходилось изо дня в день терпеть. Глядя в зеркало, Мерфи замечал, что его лицо приобрело лиловатый оттенок — судя по всему, он дотерся до состояния баклажана.

Как-то раз он заявил Еноху:

— Послушай, так дальше продолжаться не может. Не мог бы ты хоть немного сбавить обороты, чтобы мы могли разок нормально во всем разобраться?

Енох помолчал немного и произнес:

— Потребуется по меньшей мере три дня.

Мерфи не сразу уловил ход его мыслей:

— А?

Выражение лица Еноха ничуть не изменилось, когда он непринужденно бросил:

— Если я займусь этим, то не меньше чем на три дня. Снизить темп я уже не смогу.

Лицо Мерфи треснуло.

<http://bllate.org/book/25608/3054039>